

КУЛЬТУРА И ЦИВИЛИЗАЦИЯ

С.Г. Ильинская, В.И. Рыжкова

Цивилизационная специфика архетипических образов русской и европейской сказок (опыт сравнительного исследования)

Svetlana G. Ilinskaya, Varvara I. Ryzhkova

Comparative research of archetypal images of Russian and European fairy tales

Данная статья носит междисциплинарный характер. Будучи выполнена на стыке цивилизационной теории, психоанализа и литературоведения, она позволяет достоверно выявить специфику архетипически-метафорических образов аналогичных русской и европейской сказок (ранее передаваемых посредством устной традиции). Для сравнительного исследования были выбраны две сказки с очень похожим сюжетом: «Кузьма Скоробогатый» (в обработке А.Н. Толстого) и «Кот в сапогах» (в пересказе Ш. Перро). В настоящем исследовании метод психоархеологических раскопок Клариссы Пинколы Эстес, разработанный ею как последовательной юнгианкой для анализа индивидуального бессознательного, существенно дополнен литературным и социально-политическим анализом, что позволило выявить существенную разницу между базовыми ценностями европейского и российского варианта рецепта восхождения по социальной лестнице.

Проведенное исследование призвано продемонстрировать, что у российской цивилизации есть особое ценностно-архетипическое ядро, позволившее ей возникнуть и сохраниться, значительно расширить цивилизационное пространство последующим включением этнических групп, прежде персонифицированных в народной сказке в образах пастухов Змея Горыныча. Воспроизведение аутентичной «сакральной вертикали», по мнению авторов, продолжает оставаться неперемнным условием сохранения российской цивилизации.

Ключевые слова: цивилизация, российская идентичность, европейская идентичность, архетип.

This article is multidisciplinary comparative study. It includes some aspects of civilizational theory, psychoanalysis, and literary criticism. Objects of study are archetypal metaphorical images of two fairy tales: Russian “Kuzma Skorobogaty” and European “Puss in Boots”.

In this study were used the method of psychoanalysis of Clarissa P. Estes, literary and socio-political analysis. This allowed us to identify some differences between the basic European and Russian social values.

The study demonstrated that Russian civilization has a special values and archetypal core, which were a prerequisite for its emergence and preservation. Russian civilization space was expanding by the inclusion of ethnic groups, which personified in a folk tale in the images of the shepherds of Zmey Gorynych. The authors think than reproduction of the authentic hierarchy of archetypes and values is an indispensable condition for the preservation of Russian civilization.

Keywords: civilization, identity, Russian, European, archetypes.

Методологические основы исследования

В отличие от Махадео Сах Сварнкара, в 1995 г. на основе оригинальных письменных источников осуществившего сравнительный анализ архетипов власти в принципиально различных западноевропейской и восточной философских традициях [8], объектом данного исследования избраны культурно очень близкие русская и французская сказки. Особую актуальность обращение к ним приобретает в 2020 г., объявленном годом России во Франции и Франции в России, хотя французская сказка была выбрана, в первую очередь поскольку соавторы вслед за Николаем Данилевским и его последователями считают, что Франция – есть «самое полное выражение Европы» [1, с. 251–253].

Россия и Франция – две страны с очень богатой историей и культурой, у которых немало общего. Обе страны в условиях американоцентричной глобализации стремятся сохранить свой язык и самобытность. История обеих тоже сильно переплетена: после Великой Французской революции французские дворяне массово эмигрировали в Россию, становясь воспитателями детей русских дворян. В связи с этой тенденцией французский язык в XIX столетии стал языком российской элиты. После Великой Октябрьской революции уже российское дворянство устремилось во Францию, существенно обогатив ее культуру. Как следствие, мы можем увидеть колоссальное интеллектуальное взаимопроникновение.

Однако, по мнению авторов, архетипы русской и французской ментальности, обусловленные принадлежностью к российской и европейской цивилизациям соответственно и отраженные, в том числе в народных сказках, различны. И, работая с «бессознательным» народных сказок, им удастся выделить то особенное, что заключено в отечественной традиции, показать его уникальность. Тем самым ставится под сомнение возможность универсального обучения и социализации, в том числе на базе искусственного интеллекта. Выдвигается на первый план важность собственной традиции, ее устной передачи, не искаженной безгранично тиражируемым

видеорядом (космополитические мультфильмы Уолта Диснея и т. п.), что также обуславливает актуальность исследования.

Есть еще одна методологическая тонкость. Для любого последовательного юнгианца архетипы универсальны и неизменны, они фундаментальным образом помимо нашей воли определяют то, что мы делаем. Для Карла Юнга архетипы коллективного бессознательного «необоримы», поскольку они не поддаются рефлексии. Для психоанализа его последовательницы К.П. Эстес, метод которой был в данном исследовании развит и применен, – главное для человека вернуться к своей «дикой» природе. Ключевой момент в нем – пробуждение в индивидууме «первозданного», вечного [13, с. 20].

Однако авторы настоящего исследования, соединившие метод психоархеологических раскопок и локально-цивилизационный подход, полагают, что для каждой самобытной цивилизации¹ характерен свой архетипически-метафорический способ передачи аутентичной иерархии ценностей. И для того чтобы вычленить архетипическое ядро локальной цивилизации, приходится обращаться к методам многих социальных и гуманитарных наук, в том числе к анализу аутентичных текстов (мифов и сказаний), поскольку «сакральная вертикаль»² каждой локальной цивилизации в течение всей ее истории, за исключением самого новейшего времени, передавалась главным образом посредством ритуального ознакомления с текстом, сначала в форме устной, затем – письменной традиции. И не случайно геополитик Цымбурский, развивавший цивилизационную теорию в постсоветский период, был профессиональным филологом, специалистом по древним языкам, а Вадим Кожин, обосновывавший отличие российской цивилизации от западной в позднесоветское время, пришел в историю из филологии.

На этом пути также постепенно приходится пересматривать многие социальные и философские догмы. Так смысловой локус понятия цивилизации сместился с «высшей стадии развития человечества» или «технической однородности, культурного антипода» в сторону «крупной локальной социокультурной общности», а затем и способа самоидентификации. Архетипы, как основания этой самоидентификации, первоначально в теории психоанализа бывшие универсальными для всего человечества «единицами культурного бессознательного», тоже претерпели процесс локализации и фрагментации.

Необходимо также учитывать, что в литературном анализе под архетипом обычно (в отличие от психоанализа) понимается архетипический образ, т. е. художественный образ, аккумулирующий многовековой культурный опыт, позволяющий концентрированно и незамутненно передать его от поколения к поколению [6]. Образ этот допускает вариативность, но в то же

¹ В.Л. Цымбурский [12] предпочитал называть их контекстно-связанными.

² Религия или идеология, соотносящая культуру, социальную практику и геополитику группы народов с трансцендентной высшей реальностью [12, с. 212].

время имеет узнаваемый и интуитивно воспроизводимый в художественном произведении вид. Предполагается, что в народных сказках он представлен в наиболее неискаженном виде. Хотя, конечно, нельзя исключать и различные позднейшие напластования, в том числе привнесенные собирателями сказок, осуществившими их литературную обработку.

В литературоведении долгое время доминировал взгляд отечественного филолога и фольклориста В.Я. Проппа о единстве образов и мифологем сказок различных народов. Сегодня он постепенно пересматривается, в том числе под влиянием локально-цивилизационной теории. Философский анализ архетипических основ той или иной культуры выделяет в ней универсальные (например, Апокалипсис) и локальные архетипы и утверждает, что архетипическим единством обладает, скорее, не сказка, а миф. А сказки, напротив, «открывают доступ для анализа отдельной культурной традиции, социальной атмосферы определенного народа, поскольку имеют прочную генетическую связь со своей исторической средой: они отражают генеалогию желаний, повторяющихся из поколения в поколение... В сказках становится более очевидным, какие модели социально-общественного поведения поощряются и, наоборот, какие наказываются. В сказке лучше просматриваются черты главного героя, с которым, как правило, и происходит самоидентификация слушателя. В мифах же и сюжет, и сам герой часто имеют надперсональный характер. Поэтому сказки становятся удобным материалом в рамках анализа этнических и социальных архетипических установок и мировосприятия того или иного народа» [3, с. 106–107]⁵.

В связи с этим вырастает значимость эвристического потенциала текстов народных сказок, в которых скрыты глубинные смыслы человеческой природы и особенности национального характера.

По мнению исследовательницы Е.М. Лулудовой, через архетипы и архетипическое сказки передают «истинную мудрость». Главная цель каждой сказки – сказать о жизни нечто фундаментальное, отвечающее на один из основных, базовых, смысложизненных архетипических вопросов: «Что есть мир?» и «Что я должен делать?» Причем, мораль в сказке «не выводится в конце отдельным утверждением, а “вычитывается” столько раз, сколько “читатель” ее “читает”. Сказка – это не то, что “я знаю”, а то что “я помню”» [7, с. 807].

При этом «любая, на первый взгляд, незначительная деталь в сказке при тщательном рассмотрении становится важнейшей составляющей сказочного

---

⁵ Пересмотреть устоявшуюся в юнгианстве т. зрения на архетипы и преодолеть западоцентричный универсализм Мария Иванова смогла с помощью интегрально-сопоставительного историко-философского исследования взглядов К.Г. Юнга (изначально воспринявшего идею архетипов из индийской философии) и индийского философа Ауробиндо Гхоша, развивавшего теорию архетипов параллельно с Юнгом.

повествования» [5, с. 92]. Именно эта детальность анализа позволила авторам выделить архетипы социального действия и увидеть разницу между европейским и русским вариантом рецепта восхождения по социальной лестнице.

Таким образом, мы не оспариваем точку зрения С.Ю. Неклюдова [9] о единстве сюжетов сказок у различных народов и даже намеренно взяли две сказки, имеющие практически идентичный сюжет. Наша задача: более детальный анализ, поиск и объяснение встречающихся различий.

В обеих избранных к рассмотрению сказках представлена аналогичная ситуация: животное помогает человеку выбраться из нищеты и достичь высокого социального положения. Обратимся к характеристике животных – братьев наших меньших. В сказке подразумевается, что животное – это часть нашей природы, часть нашей души. Тем более, что различные животные отражают определенные качества человеческого характера. Во многих сказках и баснях кот и лиса – это некое олицетворение хитрости, хотя и в разных проявлениях: от мудрости до наглого плутовства.

На первый взгляд может показаться, что «Кот в сапогах» и «Кузьма Скоробогатый» – две вариации одной сказки. Однако попробуем раскрыть глубинный подтекст обеих сказок. Сравним оба названия. Как правило, в названии сказки отражается либо ее главный герой, либо ключевой волшебный предмет. Так что, судя по названию, кот в сапогах – главный герой одноименной сказки. Именно его, если можно так выразиться, прожектера своего хозяина, объявляют важнейшим действующим лицом сказки.

Возникает вопрос: если сюжеты у двух сказок сходные, почему же главным героем в самом названии русской сказки объявляется не Лиса Патрикеевна, или Лизавета Петровна, а Кузьма Скоробогатый? У лисы в данной сказке имени вообще нет. И почему тогда сказка про кота в сапогах не называется «Маркиз де Караба» или «Мельничий сын»? Попробуем разобраться.

«Кот в сапогах»: анализ европейского сюжета

Сказка про Кота в сапогах начинается с того, что один мельник оставил в наследство своим трем сыновьям мельницу, осла и кота. Дележ проходил по принципу старшинства: старшему – мельницу, среднему – осла, младшему – кота. Наследство – это то, что отец передает своим детям в качестве условного плота, который поможет им начать жизненное плавание. Почему кот (ничтожное наследство, если мыслить рационально) достается младшему сыну? Различные материальные блага в сказках подразумевают либо наличие скрытого клада душевных богатств, либо, напротив, его полное отсутствие. Те материальные блага, которые сыновьям оставляет отец, раскрывают нам и духовную сущность братьев. Трое братьев срastaются судьбами с полученным наследством.

Поскольку отец – мельник, мельница у него – средство производства, осел – рабочая сила, кот – охрана от мелкого расхитительства. Мельница здесь олицетворяет процесс преобразования природных богатств (зерна) в продукт человеческого потребления (муку). У всех народов в той или иной степени хлеб символизировал жизнь, добро. Старшему сыну достается уже подготовленное и испытанное средство произвести муку (основу хлеба). Тем самым ему уготовано пойти по стопам отца, и никакого индивидуального развития у него не будет наблюдаться. Самый близкий и, казалось бы, самый обеспеченный путь не влечет за собой никакого духовного роста или продвижения вверх социальной пирамиды. Старший сын – человек оседлой судьбы, работающий с земельными богатствами, прочно обосновавшийся на насиженном месте.

Второму брату достался осел, т. е. воплощение сферы транспортных услуг, в которой среднему сыну за счет изначально ограниченных возможностей не грозит вертикальная социальная мобильность. На основе судьбы двух старших братьев можно сделать вывод: материальное обеспечение не всегда влечет за собой духовное богатство, под которым в данной сказке подразумевается изворотливость ума. В сказке подчеркивается, что с умом можно получить гораздо больше, нежели с присущим твоему социальному слою богатством. В данном случае можно увидеть сходство с экономической ситуацией в предпринимательстве: человек, даже имея начальный капитал, может не добиться никаких успехов в делах при отсутствии предпринимательских способностей. А вот имея талант предпринимателя, даже без начального капитала можно развить свой бизнес.

Теперь уделим внимание младшему сыну, горящему по поводу доставшейся ему доли. Кот практически во всех сказках является символом домашнего уюта, душой дома, защитой от мелких вредителей; а дом – основа нашей жизни, ее корень. В то время как старшему и среднему сыну достается в наследство соответственно жизненный каркас и тягловая сила, младшему достается аж душа дома! С этим связан еще один европейский обычай – первым в новый дом запускают кота. Это логично: чтобы тело дома ожило, в него надо вселить душу, а та уничтожит все наши мелкие сомнения, неприятности и комплексы, которые подтачивают нас изнутри. У души дикое происхождение, и, если кота выгнать на улицу, он снова сам в состоянии будет добывать себе пропитание, в то время как дом без души постепенно пустеет и мертвеет. Душа же без комфортных условий проживания проходит путь саморазвития. Останься кот дома, он бы продолжал бороться с мелкими домашними вредителями, не смог бы превратиться в слугу маркиза де Караба и уж тем более в победителя людоеда. Он бы даже не узнал, на что в действительности способен.

Что младший сын не обрадовался наследству, вполне объяснимо: каждому человеку время от времени присущи сомнения в востребованности его душевных качеств. Тем более, что явственных карьерных успехов люди с богатым духовным миром достигают нечасто. Если разобраться, это происходит чаще всего от прямоты и простодушия, но есть тут и другая причина: мало кто знает, как правильно надо использовать свою доброту искренность, чтобы получить признание. И мы часто открываемся тем, кто пытается нас использовать, забывая покорить тех, кто может нас оценить.

Так что в отношении своей души парень проявляет некоторый комплекс неполноценности. Приведем его слова: «Братья мои могут честно зарабатывать себе на жизнь, если соединят свое имущество; а мне, когда я съем своего кота, а из его шкуры сделаю себе муфту, придется умереть с голоду» [11, с. 94]. Он осознает ничтожность своего возможного материального вклада в совместную работу с братьями. Но в самом начале сказки ясно дается понятие – человеку, ставящему выше всего духовные ценности, с дельцами не по пути. А его братьям с их ограниченным духовным миром никогда не достичь высокого нравственного роста. Помня, что под материальными богатствами в сказке подразумеваются духовные, продолжим.

Чтобы достичь хоть каких-то успехов в обществе, неопытный человек прячет свои сокровенные душевные ценности, потом постепенно от них избавляется, и в конце концов полностью их уничтожает. Весь наш душевный капитал уходит на удовлетворение нашего самолюбия (аналогично с физическим насыщением), и в итоге, уничтожив свое духовное богатство, мы лишь оттягиваем неизбежный в этом случае конец. Причем кончина духовная наступает раньше физической. И пользы от скудной практической выжимки из своего духа (здесь – муфты из шкуры кота) не добьешься никакой.

Возможно, именно поэтому парню не очень-то хочется использовать кота в качестве закуски. Кот, как «Основная Душа», прекрасно это понимает. Он хорошо владеет собой и подсказывает своему хозяину, почтительно называя его государем, чтобы тот дал ему мешок, пару сапог, в которых удобнее пробираться через кусты, и подает надежду на лучшую долю. Он знает, что со своими силами и новыми способами раскрытия способностей сможет покорить своими качествами (вернее, учитывая, что кот – душа сына мельника, качествами своего хозяина) даже самого короля. Кстати, забыть «душевное» происхождение Кота нам не дает не только то, что свое новое «тело» он величает государем, подчеркивая тем самым ценность и высоту его внутреннего мира, но и то, что Кот не убегает. Хотя, учитывая сообразительность Кота, услышав, какие у его хозяина планы на его счет, он, свободно используя свою дикую природу, имел возможность убежать в лес и жить там. Но Кот не убегает и даже обещает помочь своему хозяину. Следовательно, они нераздельны.

На основе приведенных выше аргументов можно сделать вывод – всегда слушай свое сердце. Сын мельника, откровенно говоря, не слишком поверил своему Коту, однако он не теряет надежды, что тот его выручит, а от надежды до веры один шаг. Дать своей душе пищу для деятельности – самое важное в нашей жизни. Когда наша душа получает то, о чем просит, нам сразу становится легче жить. А поверив своей душе, что нам стоит запастись терпением? И результаты не преминут себя показать.

Вера – самое лучшее топливо, и больше для духовного роста ничего не нужно. Раз мы заговорили о душе, приведем еще один пример духовной основы: обувь. Во многих сказках обувь имеет ключевое значение. В данном случае деятельность Кота начинается с того, что ему дают обувь. Как говорит он сам, для того чтобы пробираться через кусты. Однако Коту в реальной жизни для этой цели сапоги ни к чему. Выходит, что это всего лишь метафора, которая олицетворяет жизненные тернии. Душе, чтобы удачно отправиться в мир и благополучно оттуда вернуться, не поранившись, необходимы прочные сапоги. У Владимира Высоцкого есть такие строчки: «...Поэты ходят пятками по лезвию ножа – / И режут в кровь свои босые души!» [2, с. 191]. Следовательно, душе с нежной основой, платформой, необходимы прочные сапоги, которые позволяют ей, с одной стороны, сохранить свою целостность, а с другой – не оказаться чужой мишенью и не травмироваться в Лесу Заблуждений. И потом, Кот – это Душа Дома, домашнее животное, пусть и с диким происхождением; следовательно, он менее подготовлен к «жизни без сапог», чем, например, лиса в сказке о Кузьме Скоробогатом.

У сапог, которые получает Кот, есть еще одно «магическое» свойство: они делают его почти человеком. Он теперь «господин Кот». Ведь бедные люди чаще всего ходили босиком или в грубых башмаках. А сапоги – это уже атрибут не простого крестьянина, а более благородного человека, самое меньшее – охотника. И Кот начинает свою деятельность именно как охотник: делает в лесу ловушку для кроликов, а сам притворяется мертвым. Это довольно ловкий ход в социальных отношениях: еще не искушенные в хитростях света кролики (олицетворение глупости) видят только мертвого кота, но не замечают, что на нем сапоги. Действительно, один кролик попался на приманку и был схвачен котом в сапогах. Это лишний раз доказывает, что бесплатный сыр бывает только в мышеловке. Для того чтобы поймать кролика, коту был необходим определенный барьер против чувствительности, так что он предусмотрительно поступил, попросив сапоги.

Добыча Кота в сапогах – это первые результаты Души, начавшей самостоятельную деятельность. Скрытый смысл охоты – совершенствование навыков, приобретение первого опыта. Неудивительно, что Кот по сюжету сказки чрезвычайно гордится своей добычей. И сразу же пустил в ход свой душевный опыт дарения. В сказке, конечно, кот делает это с умыслом, но

мы видим процесс душевного становления: первую свою духовную добычу ты отдаешь вышестоящему (тоже в духовном смысле) лицу, вместо того, чтобы отдать ее хозяину или съесть самому. Кот понимает, что отданное безвозмездно воздастся сторицей.

Итак, Кот отправляется к королю и просит у него аудиенции. Самое странное с реалистической точки зрения то, что король принимает его – кота! Но здесь видна та самая «магическая» роль сапог. Они выступают в сказке, как паспорт в действительности. Без сапог кот – просто кот, босая душа, которую в обществе намеренно или по неосторожности растопчут персонажи, сумевшие обзавестись обувью. Сапоги практически превращают кота в дворянина.

На самом деле, мысля рационально, кролик для короля довольно жалкий подарок. Но у кроликов очень нежное мясо и пушистая шкурка, и в переносном смысле подобный подарок – это проявление дружелюбия, как улыбка. «Главное – не подарок, главное – внимание». По-видимому, короля вниманием не баловали. Если посмотреть на дальнейшее поведение короля в сказке, то можно догадаться, что королевство у него было довольно маленькое. В Средние века в Европе из-за феодальной раздробленности существовала шутка, что король, ложась спать, вынужден поджимать ноги, чтобы они случайно не оказались на территории соседнего королевства. Так что, приняв кота, король делает его почти равным себе. Кот, войдя к королю, отвешивает ему низкий поклон, чем подчеркивает свое уважение, и говорит: «Государь! Вот кролик, которого господин маркиз де Караба поручил мне поднести вам от его имени» [11, с. 98]. Шарль Перро делает пометку: «Такое имя заблагорассудилось ему дать своему господину». С этого самого момента сын мельника уже становится «Маркизом де Караба». На самом деле это такое же нарицательное имя, как и Скоробогатый. «Караба» по-французски означает «жестокый». Чтобы ясно дать понять королю, что его господин – крупный землевладелец, кот дает тому внушительное прозвище. Очень четко обозначен принцип: не хочешь, чтобы тебя угнетали – угнетай сам. С материальной точки зрения Кот использует именно такой способ, чтобы помочь своему господину – своему «телу» – подняться вверх по карьерной лестнице. На феодальной лестнице маркиз стоит ниже герцога, над которым находится сам король, но выше графа. Таким образом, Кот, продвигая своего хозяина, не до такой степени дерзок, чтобы объявить его герцогом, но все же отводит ему высокий сан.

Кот продолжал носить королю мелкую дичь два или три месяца, то есть «брал количеством», но как тогда жил, вернее, выживал сам «маркиз де Караба»? Выходит, что, позволив своим душевным качествам свободно развиваться, наши былые комплексы перестают тревожить нас. А природа души, которой дали свободу, постепенно заставляет наше поверхностное

«Я» перетекать во внутреннее. Сам «маркиз» как бы исчезает из поля нашего зрения, но тем не менее он присутствует в сказке, временно переопределяясь в Кота.

Но вот Кот дождался подходящего случая: он узнает, что король собирается поехать на прогулку вдоль берега реки со своей прекрасной дочерью. В этом уже видно влечение душ – Душа хозяина еще раньше, чем он сам, понимает, что красота принцессы (под которой подразумевается не только внешняя, но и внутренняя) предназначена именно для его хозяина. В терпении Кота видно необходимое условие для начала тесной дружбы: сперва произвести впечатление достойного человека, затем длительное время оказывать мелкие знаки внимания, чтобы подчеркнуть свое постоянство и повысить личное достоинство человека, которому ты уделяешь это внимание, а потом, когда человек полностью подготовлен, показать ему, что ты тоже нуждаешься в его помощи, заставив проявить великодушие по отношению к тебе и повысить его авторитет в собственных глазах.

Как сказал своему хозяину кот: «Если вы послушаетесь моего совета, то ваше будущее обеспечено», после чего дал соответствующие указания, а именно – искупаться в нужном месте. И «маркиз» слепо следовал им, сам не зная, какая ему от этого будет выгода. В чем заключается смысл такого купания? Чтобы вступить в новую жизнь, человеку необходимо полностью очиститься, избавиться от всего старого, что он на себе носит. Для этого надо отбросить все сомнения, взглянуть на мир без лишних предрассудков, которые успели у него накопиться, и полностью положиться на мудрость своей души.

Далее по сюжету Кот зовет на помощь короля, объясняет положение своего хозяина внезапным ограблением, и король велит дать маркизу роскошный наряд. Одежда осуществила с новоявленным маркизом то же превращение, что и сапоги с котом. И вот уже произошел стремительный карьерный взлет – только что у паренька не было ни гроша за душой, теперь он сидит в одной карете с королем и принцессой, которую покоряет своей привлекательной внешностью и несколькими ласковыми взглядами. Кот в восторге от того, что его план удался, однако он не позволяет себе расслабиться. Он забегает вперед, и, угрожая крестьянам, встречающимся на его пути, заставляет их сказать королю, что луга, поля и тому подобные угодья принадлежат маркизу де Караба. Король вместе с маркизом радовался обширности его владений, да и сам маркиз входит в роль, подыгрывая своему коту. В пути духовного развития есть такой этап, когда мы после долгой самоотдачи вдруг получаем ответные блага и начинаем верить в то, что наши качества не такие уж и бесполезные, но не позволяем себе прекратить свою деятельность, смутно ощущая, что дело еще не закончено.

Между тем Кот попадает в великолепный замок, который принадлежит людоеду, являющемуся к тому же владельцем тех земель, по которым проезжал король. В средневековой Европе было довольно распространенным явлением то, что крупные феодалы обладали большими угодьями, чем сам король. Людоед в данной сказке олицетворяет собой дворянство, а его способность превращаться в разных зверей – искушенность в хитростях света, гибкость в области обмана и способах эксплуатации. И тогда Кот совершает тонкий дипломатический ход: засвидетельствовав людоеду свое почтение, под видом простого любопытства пытается побудить того проявить свои самые различные качества. Сначала заставляет людоеда обнаружить самые сильные свои стороны, затем показывает весь свой трепет перед его силой. Это создает у людоеда иллюзию того, что перед ним благоговейно в любой его ипостаси. А уж оскорбленное самолюбие, вызванное недоверием кота («Меня также уверяли, но я не могу поверить, будто вы можете превратиться в крысу или мышку»), решает исход дела. Если мы не можем победить человека, когда он силен, то мы можем заставить его стать настолько слабым, чтобы мы сумели его победить. Здесь тоже можно провести душевную аналогию. Кот по своей профессии – борец с мелкими вредителями, которые населяют дом. Сейчас его же стараниями владения маркиза де Караба заметно возросли, причем за очень короткий срок. Душа прошла этап стремительного духовного роста, и пока ее задор не иссяк, на последнем витке напряжения она употребляет все свои силы, чтобы победить главного врага. Для того чтобы победить людоеда, надо вывести его на чистую воду. И коту удастся это сделать. Поддавшись низменной слабости, людоед становится тем, кем он, в сущности, является – мелким вредителем (хотя ему и удастся до этого произвести колоссальное впечатление и завладеть обширными территориями). Коту этого и надо – он успешно закусывает людоедом и бежит встречать короля, принцессу и новоиспеченного маркиза. Засим следует окончательное расположение короля к маркизу, свадьба последнего с принцессой и счастливое обеспеченное будущее главных героев. Кот становится вельможей, а мышей ловит только для забавы. На первый взгляд, это некий тупик в духовном развитии, однако поскольку кот в силу привычки продолжает бороться с мелкими вредителями, он все же сохраняет свою функцию «санитара» души.

**«Кузьма Скоробогатый»:
ключевые особенности отечественной версии**

Начало сказки «Кузьма Скоробогатый» кардинально отличается от европейского варианта: «Жил-поживал Кузьма один-одинешенек в темном лесу. Ни скинуть, ни надеть у него ничего не было, а постлать – и не заводил» [10, с. 229].

В отличие от «Маркиза де Караба», который до начала Котом «рекламной кампании» имени не имеет вообще, а когда получает, то это имя оказывается практически нарицательным (что подчеркивает, как высоко стоит у европейцев влияние в обществе: без чина ты – никто), Кузьма Скоробогатый имеет собственное имя, данное ему от рождения. Это имя имеет древнегреческое происхождение. Оно образовано от «kosmos» – порядок, мир, вселенная; все слова, которые подразумевают гармонию, порядок или красоту, имеют этот корень. Также с устройением мира связано греческое имя Космо, которое означает «кузнец», «устроитель мира». Можно вспомнить русскую поговорку: «Каждый человек – кузнец своего счастья». В сказке явно подчеркивается, что Кузьма создал свое счастье собственными руками. То, что, только выйдя в свет, Кузьма становится Скоробогатым, указывает нам, что все материальные богатства суть ценности преходящие. Кузьма изначально имеет целостность души, ему только необходимо в ней разобраться, причем разобраться самому – ведь он в лесу один. У него не было ни насиженного места (мельницы), ни отца, который может оставить что-то в наследство, ни братьев, которые отобрали бы себе все бесполезное, оставив ему только Душу дома. Кузьма сам как будто бы является душой леса. Отчетливо видна функция природы: Природа – мать, кормилица, сила. Только духовного богатства у Кузьмы много, поди разберись, как его использовать. И в этом дремучем лесу человеку надо поймать свою лисицу. Кстати, лисица в русских сказках всегда женского рода, за редким исключением. На западе, как правило, это персонаж мужского рода – Лис, который встречается во многих сказках и баснях. В русских сказках именно Лиса Патрикеевна чаще всего встречается и как самый хитрый, и как женский (среди зверей) персонаж. Это связано с тем, что, по поверьям русичей, женщина хитрее или сообразительнее мужчины. Поскольку мужчины мыслят более прямолинейно, руководствуясь жизненным опытом, а женщины углубляются в тонкости и больше доверяют своим чувствам. Так что в сказках если хитрость – то непременно женская. У древних славян лиса находилась под покровительством Морены (олицетворения смерти) и Макоши (богини судьбы и домашнего очага), следовательно, она несет в себе мудрость и интуицию. Примерно та же связь, что проходит между кошкой и Бастет, египетской богиней, покровительствующей домашнему очагу. Однако Кот в сапогах – явно персонаж мужского пола. Об этом говорят его са-

поги. Он – душа лже-маркиза, и оба они мужского пола. А Кузьма Скоробогатый ловит в лесу свою Интуицию, чтобы она для преумножения душевного богатства помогла ему найти свою половину.

В сказке не сказано, что Кузьма страдает от одиночества. Судя по его поведению, ему в лесу комфортно, он живет в гармонии с природой, не заводит себе ни одежды, ни домашней утвари. Это подчеркивает его готовность приобрести душевное богатство или создать его самому, тем более что личные навыки у него имеются. Ему не надо скидывать с себя душевные лохмотья или постилать себе что-нибудь на землю. Как правило, одежду люди получают, проживая в социальной среде: либо чистую, которая в процессе духовного обнищания принимает все более жалкий вид, либо изначально плохую. Маркиз де Караба корнями связан с мельницей, и, чтобы приобрести богатую одежду, ему необходимо воссоединиться с природой, а именно – с речной водой, которая унесет от него прошлое и смягчит процесс перетекания в новые формы. Кузьма же проживает в девственном лесу и сам ему соответствует. Только душа Кузьмы представляет собой точно такой же темный лес, и, чтобы в нем не заблудиться, необходим надежный проводник. Кузьма ставит в лесу капкан, и в него попадает лиса. Капкан – деталь немаловажная, сразу чувствуется связь со значением имени Кузьма – «кузнец».

Ловит Кузьма лису с расчетом: продать, а на заработанные средства жениться. Это, конечно, тоже путь к приобретению половины, но путь наиболее простой, привычный и заведомо неудачный: Кузьма и сам не достигнет высот, и жену себе получит соответствующую; при этом непонятно, как они будут друг друга дополнять – жена-то будет из нижайшего слоя социальной среды, а Кузьма – из недр природы.

Тут, как и в сказке про Кота в сапогах, оба – и Кузьма, и лиса, – прекрасно это понимают. Вернее, первоначально Кузьма предлагает свой план, но, услышав обещание лисы сделать ему «великое добро» при условии, что он ее покормит, охотно соглашается на ее предложение. Кстати, Кот в сапогах изначально ничего своему хозяину прямо не обещает, тогда как лиса сразу говорит Кузьме: «Сделаю тебя Кузьмой Скоробогатым». Великая интуиция и мудрость природы – компас русича. Кузьма подкармливает лисицу, которая, как и Кот в сапогах, никуда от своего хозяина не убегает. Затем лиса бежит в царские заповедные луга и хитростью заманивает к царю, будто бы в гости, сорок волков. После преподносит свой дар царю: «Царь, добрый человек Кузьма Скоробогатый кланяется тебе сорока волками». Лиса не называет Кузьму ни князем, ни боярином, ни воеводой.

И, хоть лиса и подарила царю сорок волков из его же заповедных угодий, в этом виден такой смысл: Кузьма с помощью своей интуиции сумел извлечь и преподнести царю его же духовные богатства, до которых у него по какой-то причине не доходили руки. Пытаясь открыть людям глаза на их

достоинства, мы и сами становимся духовно богаче. Процесс кормления лисы «на веру» и дарения царю природных богатств повторяется еще два раза с той только разницей, что во второй раз на месте волков оказываются сорок черных медведей, а в третий раз – сорок сороков соболей и куниц. Царю открывается бездна «мягкого золота», и после каждого подарка он думает: «Вот какой богатый человек Кузьма!» Авторитет Кузьмы в глазах царя неуклонно растет.

Здесь, в отличие от Кота в сапогах, качество заменяет количество. Все три группы зверей преподносятся царю в короткий срок. Прямо там ничего не указано, но, учитывая то, что лиса почти не делала перерывов между группами подарков, можно предположить, что этот процесс длился не два и не три месяца. Ну и, конечно, сорок волков, сорок медведей, а затем еще сорок сороков соболей да куниц – это намного более ценный подарок, чем куропатка или кролик.

На следующий день лиса прибежала к царю и сказала, что «добрый человек Кузьма Скоробогатый» приказал ему кланяться и велел просить ведро с обручами – мерять серебряные деньги, так как свои ведра у него заняты золотом. Получив от царя требуемое, лиса побежала к Кузьме и велела мерять ведрами песок, чтобы высветлить бочок у ведра.

Этот процесс несет в себе суть душевного понимания. Интуиция Кузьмы Скоробогатого сама предлагает душе царя познакомиться с ним поближе. У каждой души есть свои требования, свое мерило. Мерило царя – ведро с обручем. Кузьма тем, что высветляет ведро, как бы очищает мнение царя о себе, стирает осевшие на поверхности подозрения. Здесь есть мистическая подоплека: серебро – чистый металл, который всегда считался защитой от сил зла. Таким образом, царь получает возможность понять, насколько велика чистота души Кузьмы. Возвращая ведро царю, лиса предусмотрительно заткнула за обруча несколько мелких денежек. Это закрепило у царя мнение о том, что Кузьма – богач.

Принеся ведро царю, лиса стала сватать у него прекрасную царевну за Кузьму Скоробогатого. Царь согласился и велел Кузьме приезжать.

Здесь, как и в сказке про Кота в сапогах, дочь властителя – прекрасная. Подразумевается, что прекрасная во всех отношениях. В русских сказках царская дочь, как правило, является воплощением ума, доброты и целомудрия. Получается, что это и есть достойная пара для Кузьмы, олицетворяющего собою первозданную гармонию; тем более, что царская дочь – это дочь главы государства, миссия которого – поддержание порядка и гармонии, и в этом видно родство душ царя и Кузьмы. Но не царь едет на прогулку и невзначай натывается на Кузьму, Кузьма сам едет к царю. Это показывает, что Кузьма сам должен был сделать шаги навстречу своему счастью; Сын, чтобы стать самостоятельным, не должен ждать, пока к нему придет Отец.

Тем временем лисица забежала вперед и подговорила работников подпилить мостик через речку. Речка здесь не столько символ очищения, сколько момент принятия окончательного решения. Въехав на мостик, Кузьма уже не может повернуть назад, потому что его интуиция заставляет мостик обрушиться и погружает Кузьму в воду. Лисица начинает звать на помощь, и царь, помогая Кузьме выбраться из реки и одаривая его одеждой, как бы принимает его в свою семью. Рубикон перейден, царское крещение принято, пути назад нет. Кстати, лиса, в отличие от Кота в сапогах, не говорила царю, что ее хозяин ограблен.

Кузьма обвенчался с царевной, живет у царя две недели, а затем царь предлагает поехать к Кузьме в гости. Кузьма, царевна и царь запрягли лошадей и поехали. Кузьма отправляется в путь, чтобы найти себя в жизни и понять, на что он сам и его интуиция способны. Он пускает интуицию впереди себя – самая правильная тактика жизненного пути.

Лиса встречает на пути три стада – овец, коров и коней. Она каждый раз спрашивает пастухов, чье стадо они пасут, и получает ответ: «Змея Горыныча». Каждой группе пастухов лиса велит говорить, что это стадо Кузьмы Скоробогатого, «а то едут царь Огонь и царица Молоньца: они вас всех сожгут и спалят, коли станете поминать Змея Горыныча!» Все пастухи соглашаются. Пастухи (пастыри) в данной сказке – это образ руководителей над простыми людьми, марионеток Горыныча. Услышав о том, что Горынычу скоро придет конец, они принимают решение перейти на сторону сил добра. Следовательно, это все же положительные персонажи, которые заботятся о своих стадах и готовы служить добру. В сказке «Кот в сапогах» кот просто грозит крестьянам, что, если они не скажут, что уголья, которые они возделывают, принадлежат маркизу де Караба, их изрубят на кусочки. Тем крестьянам не все равно ли, что говорить – начальство приказывает, значит, надо. Они просто живут на земле и пользуются ее дарами, в сказке Шарля Перро они не пасут стада – не приведено сравнение с ответственностью за кого-либо. Пастухи из русской сказки соглашаются с посланником добра, тем более, что лисица имеет рыжий (огненный) цвет, символизирующий огонь небесный (кстати, именно поэтому она является проводником Кузьмы в темном лесу, заботливо освещая ему жизненный путь). Если они будут служить злу, то их всех сожгут дотла вместе со стадами. Души пастухов сопротивляются духовной смерти, а нежелание погубить вместе с собой скот показывает, что у пастухов есть чувство ответственности за своих подопечных.

Рассмотрим образ Змея Горыныча. Согласно славянской мифологии, существовали три богатыря-великана: Горыня, Дубыня и Усыня. Возможно, что Горыня, олицетворяющий стихию огня, был прототипом Горыныча. Огонь в русских сказках является либо символом созидания, либо

перевоплощения, либо всепожирающим бедствием. У славян змей является символом зла, за редким исключением (сказка «Царевна-змея»). Змей Горыныч – это зло разрушительного огня, у которого несколько голов, олицетворяющих многоликих внешних и внутренних врагов Руси. Следовательно, одолеть Змея Горыныча – означает победить тех, кто покушается на наше существование.

Теперь разберемся, чем так опасна угроза для Змея Горыныча. «Царь Огонь и царица Молоньца» – это неминуемая расплата за злодеяния. Под именем «царь Огонь» подразумевается огонь правосудия, в пламени которого сгорит все зло. Молонья – это старинное произношение слова молния. Христианский образ молнии как господнего оружия имеет корни в дохристианской эпохе, когда молния тоже воспринималась небесной карой за грехи. В сказке Огонь и Молния – представители стихии родной земли, которая не пощадит захватчика и с которой бесполезно бороться.

Лиса бежит к Змею Горынычу прямо в белокаменные палаты, здороваются. Тот спрашивает лису, что случилось. Она отвечает, что Горынычу надо прятаться, потому что «едут царь Огонь и царица Молоньца, все жгут и палят. Стада твои с пастухами прижгли и спалили. Я не стала мешкать, пустилась к тебе сказать...» [10, с. 234]. Тот не знает, что делать, и лиса советует ему спрятаться в собственном саду в дупле старого заповедного дуба, у которого выгнила вся середина. Змей следует ее совету.

Теперь разберемся, почему змей пускает к себе лису. В европейской сказке людоед пускает кота, потому что тот – проезжий дворянин, решивший засвидетельствовать свое почтение феодалу. Но здесь лиса – интуиция Кузьмы, «доброго человека», который тем и отличается от «сильного человека своей земли», то есть самой коварной ипостаси Горыныча, что имеет много духовного богатства и не распоряжается чужими судьбами ради своей выгоды. Также лиса – посланник Макоши, одна из ипостасей этой богини-рожаницы. То есть лиса для Горыныча – это вроде бы посланник врага. Почему же он относится к ней изначально как к другу? Ответ прост: наша интуиция очень гибкая и подвижная, способна принимать любые формы. Лиса также состоит в родстве со славянской богиней смерти, мрака и забвения – Мореной. На первый взгляд, Макошь и Морена – образы-антиподы [4, с. 175, 177–188]. Но, если вдуматься, то обе эти богини олицетворяют собой вечный круг Жизнь-Смерть-Жизнь, о котором подробно пишет Кларисса П. Эстес [13, с. 25]. Следовательно, лиса является промежуточным звеном между этими состояниями. Именно поэтому она обладает жизненной мудростью и всевидящим оком интуиции, а также силами сразу двух огней – созидающего и разрушающего. Потому-то лисе в народе чаще всего приписывают такие качества как двуличие, хитрость, изворотливость. Хитрость – черта, больше присущая темным силам, а так

как лиса еще и «носительница пламени», то плутовка принимается Горынычем за «свою». Однако Интуиция Гармонии заботливо оберегает свою целостность и не позволит хаосу проникнуть внутрь, в душу Кузьмы. Лиса, как и Кот в сапогах, побеждает главного врага его же оружием. Она обманом заставляет зло съежиться от одной вести скорого возмездия, практически исчезнуть из поля зрения. А когда зло обезврежено, на занятых позициях легче сажать хорошие семена.

Змей прячется в прогнившей середине заповедного дуба. Это тоже интересный образ. Заповедный дуб змея – это заветное пристанище зла, место, где ему надежнее всего спрятаться. Неудивительно, что у дуба прогнила середина – это показывает сущность сил зла. Снаружи заповедный дуб выглядит внушительно, а внутри у него нет никакого стержня, он держится только на внешнем впечатлении.

Тем временем царь и молодые едут той же дорогой, что и лиса, спрашивая по пути, чьи стада пасут пастухи, и дивятся богатству Кузьмы. Затем подъезжают ко дворцу Змея Горыныча, там их встречает лиса, и начинается пир горой, который длится неделю. Лиса и говорит Кузьме: «Перестань гулять – надо дело исправлять. Ступай с царем в зеленый сад; в том саду стоит старый дуб, а в том дубе сидит Змей Горыныч, он от вас спрятался. Расстреляй дуб на мелкие части» [10, с. 235].

Это очень важный момент – когда мы вроде бы справились со всеми проблемами, на время устранили врагов, набрались сил, и нам кажется, что так будет продолжаться вечно. Но на самом деле зло никуда не исчезло, оно лишь спряталось, скрылось с глаз. И наша интуиция, дав нам как следует отдохнуть и повеселиться, начинает об этом нашептывать. Самое главное – послушаться ее совета, иначе все хорошие начинания пойдут прахом.

Лиса велит Кузьме вместе с царем расстрелять дуб. Почему же именно расстрелять? Действительно, для русской сказки нетипичный вариант. Обычно главный герой в бою отрубает змею головы, крошит тело на мелкие части и уничтожает останки. Это происходит в том случае, если на змея выходит богатырь, способный бороться со злом один на один в рукопашном бою. В сказке «Кузьма Скоробогатый» расстрелять дуб на мелкие части вместе с отцом и Интуицией, то есть практически с сущностью молодой жены, означает уничтожить зло, не вступая с ним в контакт. Ведь гниль и яд очень въедливы, и, соприкоснувшись с ними, наша душа может основательно пострадать, вплоть до полного разрушения. В «Сказе о Петре и Февронии Муромских» здоровье и жизнь молодого князя Петра оказывается в серьезной опасности лишь потому, что на него попала кровь убитого им змея. Также в сказках встречаются разновидности змеев с невероятно развитой регенерацией: отрубишь голову – вырастет три.

Расстрелять дуб – значит, не отрубать головы по очереди, а покончить со злом одним махом. Борясь со злом врукопашную, молодая неокрепшая душа рискует дать ему время восстановить свои силы, и, как следствие, погибнуть самой и погубить своих близких. Также следует обратить внимание на то, что пушка – огнестрельное оружие, и нет ничего удивительного в том, что лиса – посланник огня, знающий все тонкости огнедышащего чудовища, – предлагает именно такой способ избавления от него. Подобное уничтожается подобным. Перефразируя слова Александра Невского, можно сказать: «Кто к нам с огнем придет – от огня и погибнет!»

В том, что лиса лишь подает совет, а уничтожают Горыныча Кузьма и царь, видно иносказательное предписание: уничтожение зла должно быть совместным, сделать это должны «отец» и «сын», глава государства и представитель простого народа. Своего главного врага Кузьма Скоробогатый уничтожает собственными руками, и в этом отличие нашей сказки от западной. Интуиция может нас предостерегать, но сделать абсолютно все за нас она не в состоянии. С ее помощью мы достигли высокого духовного развития, мы в состоянии противостоять злу, пока мы сильнее его, но прислушаемся ли мы к внутреннему голосу – это уже наше собственное решение. В сказке «Кот в сапогах» Кот все делает за хозяина, а Кузьма Скоробогатый своими руками уничтожает зло, причем задействует в этом процессе царя, окончательно с ним породнившись.

За что борется маркиз де Караба? За место под солнцем. За хорошую долю. Он, вернее, его кот, уничтожает людоеда, чтобы самому занять его место – недаром кот дал своему подопечному имя «Жестокий маркиз». Людоед – это просто персонаж, которого надо устранить, чтобы обеспечить себе комфортное проживание, а Змей Горыныч – ненасытное зло, которое раздирает нашу Родину снаружи и изнутри, и (чтобы не утратить Душу и Целостность) Природа, Интуиция и Семья объединяют силы и расстреливают дуб, в сердцевине которого прячется напуганный змей. Таким образом, архетип Героя в русской сказке вырастает до Национального героя.

Можно заметить еще одну интересную деталь: лиса в сказке про Кузьму Скоробогатого практически не обманывает царя. Кузьма, открытый ее стараниями государю, никто иной как «добрый человек», а все они вместе (Кузьма, его тесть и жена) – созданная гармоничная семья, то есть губительное для Хаоса явление – все равно что огонь возмездия. Таким образом, победив Горыныча, Кузьма восстанавливает целостность себя и Родины.

Таблица 1.

Сравнительный анализ ключевых характеристик народных сказок

Сказка	«Господин Кот, или Кот в сапогах», пересказ Ш. Перро.	«Кузьма Скоробогатый», обработка А. Н. Толстого.
Главный проводник	Кот, душа домашнего очага	Лиса, интуиция, силы природы
Главный враг	Людоед, олицетворяет дворянство	Змей Горыныч, олицетворяет многоликих врагов Родины и души
Главный герой	Младший сын мельника	Кузьма, «добрый человек»
Среда деятельности	Социально-экономическая	Природно-семейная
Средство победы над злом	Сыграть на струнах души и заставить самому себя сделать уязвимым	Напугать неминуемой расплатой, заставить съжаться
Вклад главного героя	Предоставляет Коту делать все по его усмотрению	Уничтожает зло совместно с Отцом (царем-батюшкой)
Высшая ценность	Высокое социальное положение	Созидание Вселенной в иносказательном смысле (Преображение)

* * *

Проведенное исследование позволило доказать гипотезу том, что базовые архетипические образы на первый взгляд почти аналогичных русской и европейской сказок различны.

Уже выросло поколение планшета, которому матери или бабушки не читали вслух русских народных сказок. Сравнительно-сопоставительный анализ, проведенный в исследовании, подчеркивает важность собственной культурной традиции.

Расширение российского цивилизационного пространства происходило путем постепенного включения этнических групп, прежде персонифицированных в народной сказке в образе пастухов со стадами, при условии принятия и усвоения архетипической модели служения Родине. Воспроизведение аутентичного ценностно-архетипического ядра, по мнению авторов, продолжает оставаться неременным условием сохранения российской цивилизации.

Ильинская Светлана Геннадьевна – кандидат политических наук, доцент, старший научный сотрудник сектора истории политической философии Института философии РАН.

109240, Россия, Москва, ул. Гончарная, д. 12, стр. 1.

Svetlana G. Pinskaya – Ph.D. in Political sciences, senior research fellow. Department of History of Political Philosophy, Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences.

109240, 12/1 Goncharnaya str., Moscow, Russia.

svetlana_ilinska@mail.ru

Рыжкова Варвара Ивановна – ученица МБОУ ТСОШ № 1 им. М.Г. Ефремова, лауреат литературных конкурсов, обладатель сертификатов учебно-образовательного центра «Сириус» по программам «Литературное творчество» и «Психологический клуб».

Varvara I. Ryzhkova – student, laureate of literary contests, holder of certificates of the Sirius training centre in the Literary Creativity and Psychological Club programs.

varvara.ryzhkova@inbox.ru

Список литературы

1. *Данилевский Н.Я.* Россия и Европа. М.: Алгоритм, 2018. 560 с.
2. *Высоцкий В.* О фатальных датах и цифрах // На Большом Каретном. М.: Эксмо, 2006. 320 с.
3. *Иванова М.Г.* Культурные архетипы как объект историко-философского анализа: дис. ... к. филос. наук. М.: РУДН, 2017.
4. *Кайсаров А.С., Глинка Г. А., Рыбаков Б. А.* Мифы древних славян. Велесова книга. Саратов: Надежда, 1993. 320 с.
5. *Кулагин Д.Л.* Мифологические архетипы в русских народных сказках // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2016. № 6 (68). Ч. 1. С. 91–95.
6. *Лулудова Е.М.* Архетипы в художественном тексте. Алматы: Изд-во КазГУ, 2000. 120 с.
7. *Лулудова Е.М.* Русские народные сказки и их архетипические составляющие // Международный журнал прикладных и фундаментальных исследований. 2015. № 8. Ч. 4. С. 803–807.
8. Махадео Сах Сварнкар. Архетипы власти в западноевропейской и восточной философских традициях: дис. ... д-ра филос. наук. М.: РУДН, 1996.
9. *Неклюдов С. Ю.* Почему сказки одинаковые? // Живая старина. 2004. № 1 (41). С. 7–10.
10. *Ненаглядная краса:* Русские народные волшебные сказки / Сост. Т.Ф. Тихончук. Минск: Юнацтва, 1991. 623 с.
11. *Перро Ш.* Сказки матушки Гусыни. М.: Астра, 1993. 320 с.
12. *Цымбурский В.Л.* Остров Россия. Геополитические и хронополитические работы. 1993–2006. М.: РОССПЭН, 2007. 544 с.
13. *Этес К.П.* Бегущая с волками. Женский архетип в мифах и сказаниях. Киев: София, 2000. 496 с.

References

1. Danilevskiy N. Rossiya i Yevropa. Moscow: Algoritm, 2018. 560 s.
2. Vysotskiy V. O fatal'nykh datakh i tsifrakh // Na Bol'shom Karetnom. Moscow: Eksmo, 2006. 320 s.
3. Ivanova M. G. Kul'turnyye arkhetypy kak ob'yekt istoriko-filosofskogo analiza. PhD Thesis. Moscow: RUDN, 2017.
4. Kaysarov A. S., Glinka G. A., Rybakov B. A. Mify drevnikh slavyan. Velesova kniga. Saratov: Nadezhda, 1993. 320 s.
5. Kulagin D. L. Mifologicheskiye arkhetypy v russkikh narodnykh skazkakh // Istoricheskiye, filosofskkiye, politicheskiye i yuridicheskiye nauki, kul'turologiya i iskusstvovedeniye. Voprosy teorii i praktiki. Tambov: Gramota, 2016. № 6 (68). Vol. 1. S. 91–95.
6. Luludova E. M. Arkhetipy v khudozhestvennom tekste. Almaty: Izd-vo KazGU, 2000. 120 s.
7. Luludova E. M. Russkiye narodnyye skazki i ikh arkhetypicheskiye sostavlyayushchiye // Mezhdunarodnyy zhurnal prikladnykh i fundamental'nykh issledovaniy. 2015. № 8. Vol. 4. S. 803–807.
8. Makhadeo Sakh Svarnkar. Arkhetipy vlasti v zapadnoyevropeyskoy i vostochnoy filosofskikh traditsiyakh. Thesis of Doctor of Sciences in Philosophy. Moscow: RUDN, 1996.
9. Neklyudov S. Pochemu skazki odinakovyye? // Zhivaya starina. 2004. № 1 (41). S. 7–10.
10. Nenaglyadnaya krasa: Russkiye narodnyye volshebnyye skazki / Sost. T.F. Tikhonchuk. Minsk: Yunatstva, 1991. 623 s.
11. Perrault, Charles. Skazki matushki Gusyni. Moskow: Astra, 1993. 320 s.
12. Tsymburskiy V.L. Ostrov Rossiya. Geopoliticheskiye i khronopoliticheskiye raboty. 1993–2006. Moscow: ROSSPEN, 2007. 544 s.
13. Estes C.P. Women who run with the wolves. Myth and Stories of the Wild Woman Archetype. Kiev: Sofiya, 2000. 496 s.